

Голоса молодых

ДОКТРИНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

Л.Т. Труженникова*

И ранее, и особенно в настоящее время перед теоретиками и практиками международного права отчетливо стояла и стоит проблема определения правового статуса физического лица в системе международных отношений. В первую очередь это связано с тем, что по сравнению с началом и даже серединой нашего столетия на современном этапе защита прав человека выдвинулась на международный уровень. Параллельно постепенно изменялось отношение государства к индивиду – ныне он не только рассматривается как пассивный бенефициарий международно-правовых норм, в соответствии с которыми государство предоставляет ему определенные права и свободы, но и начинает все более активно выступать в качестве субъекта, непосредственно имеющего как материальные права и свободы, предоставленные ему международно-правовыми нормами, так и процессуальные, позволяющие ему принимать участие в процессе обеспечения международных стандартов в области прав человека¹. Государства и международные организации все чаще создают нормы, регулирующие отношения физических и юридических лиц – традиционных субъектов внутригосударственного права.

Динамика современной жизни настоятельно требует переосмысления кардинальных положений доктрины международного права относительно международной правосубъектности. В доктрине международного права преобладают следующие теории:

1. Только государства (типичные субъекты), нации и народы, реализующие свое право на самоопределение, международные межправительственные организации и государствозподобные образования являются субъектами международного права.

2. Только индивиды являются субъектами международного права.

3. Государства, международные межправительственные организации – основные субъекты международного права, а также определенные негосударственные образования – юридические лица и физические лица имеют ряд прав и обязанностей по международному праву.

* Аспирантка кафедры международного права Казанского государственного университета.

Первая точка зрения уходит своими корнями в XVIII столетие, когда "торжество позитивизма сделало индивидов объектами, а не субъектами международного права. Это право все больше и больше подчеркивало обособленность государств, создавая их суверенность, действительно их основополагающий принцип"². В настоящее время эта концепция широко распространена в несколько видоизмененном состоянии. Преобладающее число советских и ныне российских ученых разделяют именно эту точку зрения.

В монографии "Личность и международное право"³, одной из самых полных и всеохватывающих работ по данному вопросу, С.В. Черниченко рассматривает теории международной правосубъектности, приводит точки зрения на этот счет авторитетов советской науки международного права. Выдвигая в качестве одной из основных посылок положение о том, что субъектом права теоретически может считаться "лицо, имеющее хотя бы одно право или несущее хотя бы одну обязанность", что "количество прав и(или) обязанностей лица не имеет значения для его правосубъектности, поскольку в любом случае осуществляется правовое регулирование поведения лица", он приходит к выводу, что "можно быть субъектом права в очень узких границах, в пределах, скажем, какой-либо одной обязанности, и в очень широких (так называемая универсальная правосубъектность). Правосубъектность характеризуют не размеры этих рамок, а их наличие". Вместе с тем С.В. Черниченко делает упор на специфичности понятия международной правосубъектности и, анализируя доказательства международной правосубъектности индивидов, не находит ни одного, которое в полной мере свидетельствовало бы, по его мнению, о наличии у индивида хотя бы одной обязанности или права по международному праву. На этом основании он отказывает индивиду в международной правосубъектности.

Этой концепции, хотя и несколько различающейся в деталях, придерживались и Д.Б. Левин, Н.А. Ушаков, Ю.М. Колосов, Г.П. Задорожный.

Так, Ю.М. Колосов в статье "Некоторые вопросы современного международного права" пишет: "Следует ли пытаться втиснуть новые явления в рамки старых категорий?"⁴. В этой связи он дает обоснование невозможности международной правосубъектности физического лица: тогда установилась бы иерархия субъектов, а значит, и иерархия государств, что противоречит одному из основных принципов международного права – их равноправию. Другое возможное последствие – взаимоотношения государств могли бы утратить качество фундамента международных отношений, растворившись во взаимоотношениях тысяч и миллионов прочих субъектов. "В результате международное право неизбежно приобрело бы размытый, неопределенный характер"⁵.

Учебники международного права под редакцией Г.И. Тункина, Ф.И. Кожевникова, Н.Т. Блатовой, курс международного права (в шести томах) излагали разделы о международной правосубъектности в свете изложенных точек зрения. Во многом нежелание наделять индивидов и определенные юридические лица международной правосубъектностью объяснялось идеологическими причинами, боязнью нарушения государственного суверенитета, основополагающего международного принципа невмешательства во внутренние дела государства, "гуманитарной интервенции". Концепции международной правосубъектности физических и юридических лиц назывались в перечисленных книгах буржуазными и подвергались самой жесткой критике⁶.

Многие зарубежные юристы-международники, а именно Д. Анцилотти, Р. Редслоб, Дж. Шварценбергер, также придерживались аналогичной позиции. Д. Анцилотти в "Курсе международного права" писал: "Нормы обычного права и соглашения, которые по-видимости возлагают обязанности на отдельных лиц, на самом деле возлагают на государство обязанности воспрещать и наказывать определенные действия индивидов или же уполномочивают его к этому, когда в противном случае это было бы запрещено. ...Разумеется, международный спор может иметь своим предметом интересы индивидов или групп индивидов... Но такого рода интересы приобретают значение в сфере международного правопорядка не иначе, как в виде обязанностей и взаимных притязаний государств, именно таков смысл этих правовых положений"⁷.

Вместе с тем сторонники первой точки зрения высказывают мнения об ограниченности однозначного подхода к субъектам международного права. Так, Дж. Шварценбергер, в целом отрицая правосубъектность индивидов, тем не менее приходит к выводу, что "в рамках Европейских сообществ индивиды могут рассматриваться как субъекты международного права"⁸.

Интересно, что российский ученый Г.М. Вельяминов практически занимает ту же позицию, отмечая: "Оставаясь на теоретических позициях незыблемости основы основ: только государства – полноправные субъекты общего международного права, нельзя игнорировать определенные новые реалии. Можно ли считать, что приращение суверенными государствами по согласию между собой некоторых элементов международной правосубъектности своим собственным индивидам в локальных рамках их отношений с этими государствами есть нарушение международного права или выходит за его рамки? Этот вопрос еще нуждается в авторитетном решении не только на доктринальном уровне. Разумеется, приведенный пример не может означать какого-либо изменения правового статуса индивида по об-

щему международному праву. ...Не столь однозначными, однако, представляются возможные решения в плоскости локальных международных систем"⁹.

Сторонники исключительной международной правосубъектности индивидов считают, что субъектами права вообще и международного права в частности являются только индивиды. Подобный подход также имеет давнюю историю: естественное право рассматривало в качестве субъекта международного права индивида как члена человеческого сообщества. Баумгартен, Л. Люги, Г. Краббе, Ж. Ссель придерживались того взгляда, что государства являются лишь представителями (агентами) своих граждан.

Другая сторона этих воззрений представлена нормативистской школой. Так, профессор Г. Кельзен писал, что "государство – это механическая правовая концепция и включает нормы права, применимые к лицам, живущим на определенной территории... Нет и особой разницы между международным и внутригосударственным правом. Внутригосударственное право воздействует на индивидов непосредственно, тогда как международное – опосредованно"¹⁰.

Данная точка зрения подвергнута глубокому анализу и основательной критике и в нашей, и в зарубежной литературе¹¹. Интересно, что критикуют ее и сторонники концепции исключительной правосубъектности государств в международном праве (особенно в отечественной международно-правовой литературе¹²), и сторонники концепции множественности субъектов международного права, которыми являются и государства (основная универсальная правосубъектность), и международные (межправительственные) организации, и индивиды, и некоторые другие негосударственные образования (юридические лица).

Так, пакистанский юрист-международник Л. Тандон в учебнике международного права пишет в этой связи: "Международное право относится прямо и к государствам, и к индивидам. В польско-германской Конвенции 1922 года о Верхней Силезии индивидам был придан независимый статус самостоятельных истцов... даже против государств, гражданами которых они являлись... Также и в соответствии с Конвенцией 1965 года по урегулированию споров по инвестициям между государствами и гражданами других государств – вкладчиками инвестиций в это государство разрешались споры между государствами и индивидами"¹³. В то же время, по мнению Л. Тандона, хотя индивид и обладает определенным количеством прав по международному праву, его процедурная и процессуальная правоспособность поддерживать соблюдение этих прав очень ограничена¹⁴. В большинстве случаев иск от его имени может быть выдвинут только государством, что подчеркивается постоянной Палатой международ-

ного правосудия. В упомянутом учебнике Л. Тандон приводит выдержку из дела о Палестинской концессии (1924 г.), в которой говорится: "Является элементарным принципом международного права, что государство уполномочено защищать своих граждан в случаях нанесения им ущерба действиями, противоречащими международному праву, совершенными другим государством, от которых они не способны получить возмещение (удовлетворение) посредством обычных каналов. Принимая на себя защиту одного из своих граждан и прибегая к дипломатическим акциям или международным юридическим процедурам от его имени, государство в действительности утверждает свои собственные права – права обеспечивать действие норм международного права в отношении своих граждан"¹⁵.

Приведенная аргументация подводит нас к третьей точке зрения, согласно которой помимо государств и межправительственных организаций и физические лица являются субъектами международного права. Среди российских ученых немало ее сторонников. Например, профессор Н.В. Захарова неоднократно выступала с изложением своего мнения по данной проблеме, отстаивая наличие у индивида ограниченной правосубъектности в международном праве. В статье "Субъекты международных преступлений" Ю.А. Решетов писал: "Ответственность физических лиц возникает на основе международного права независимо от того, предусматривается ли это прямо тем или иным актом"¹⁶. В пользу наличия у физического лица ограниченной международной правосубъектности высказался Р.А. Мюллерсон. Еще в 1983 году в статье "Коллизионные и отсылочные нормы в регулировании международных отношений" он обосновывал такие положения: "Международные должностные лица, некоторые международные хозяйственные организации, созданные на основе международных договоров, международные органы прямо руководствуются в своих действиях нормами международного права"¹⁷. В опубликованной им главе нового издания "Курса международного права" Р.А. Мюллерсон подчеркивает: "В некоторых случаях, связанных с деятельностью международных организаций по правам человека, международно-правовые нормы определяют права и обязанности индивида непосредственно... Индивид все более непосредственно и тесно соприкасается с международным правом, расширяется объем его международной правосубъектности"¹⁸. Здесь же он дает собственную классификацию субъектов международного права, выделяя прежде всего субъектов, обладающих правами и обязанностями, вытекающими из норм международного права, и непосредственно участвующих в их создании. К ним он относит: государства; народы и нации, реализующие свое право на самоопределение; международные межправительственные организации. В категорию субъектов между-

народного права, не участвующих в процессе создания норм международного права, он включает: индивидов; МНПО; ряд хозяйственных международных организаций; международные органы (комиссии, комитеты, судебные и арбитражные органы)¹⁹.

В настоящее время эта позиция приобретает все новых сторонников в науке международного права России и бывших советских республик. Ее придерживается и автор настоящей статьи.

Среди зарубежных юристов-международников рассматриваемая концепция является в настоящий момент наиболее распространенной. Ее обосновывали, поддерживали и поддерживают такие известные ученые и практики, как Г. Лаутерпахт, П. Гугенхейм, бывший председатель Международного Суда ООН Э.Х. де Аречага, А.А. Канкадо Тринидаде, Е. Штейн, М. Корович и др.

В пользу данной точки зрения высказался также А. Фердросс в работе "Международное право". Такой вывод следует из его классификации субъектов международного права. По различным критериям он подразделяет субъектов международного права на:

1) субъектов прав и субъектов обязанностей. Это субъекты, обладающие и правами, и обязанностями, управомоченные субъекты (индивиды, которым на основе международных договоров предоставлено право предъявления иска в международном суде) и обязанные субъекты, несущие ответственность за международные преступления (например, военные преступники);

2) активных (государства, объединения государств, церковь) и пассивных (повстанцы и т.п.);

3) постоянных (государства, церковь) и временных (повстанцы и т.п.);

4) первоначальных (государства) и признанных позднее (международные организации, повстанцы и др.)²⁰.

Сторонники международной правосубъектности физических лиц в целях аргументации этого приводят обычно ряд известных фактов международно-правовой практики. Прежде всего это случаи, когда на основе международного договора или обычая индивиды являются непосредственными носителями международных материальных прав и (или) обязанностей, не обладая международной процессуальной или процедурной правоспособностью. Такое имеет место в сфере борьбы с преступностью (пиратство, работорговля, умышленное повреждение подводных кабелей и трубопроводов, угон самолетов, геноцид и т.д.), в соответствии с законами и обычаями войны (нормы, касающиеся военных преступников, нарушителей блокады, военнопленных и т.д.), в области защиты прав и свобод человека, при предоставлении политического убежища, проведении плебисцита и оптации, при регулировании споров между индивидами и государствами

ми согласно Конвенции 1965 года по урегулированию инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств, в отношении иностранцев и лиц, пользующихся определенными иммунитетами и привилегиями.

А.А. Канкадо Тринидаде приводит и такой пример: защита прав гражданина его государством перед иностранным государством в случае исчерпания гражданином местных мер защиты. "Если право на возмещение принадлежит исключительно защищаемому государству, которое принимает на себя защиту интересов одного из своих граждан, представляет собой только присвоение своих собственных прав, как тогда можно объяснить правило **исчерпания гражданином** (выделено мною. – Л.Т.) местных мер защиты?.. Даже если дипломатические действия рассматриваются как основополагающие в межгосударственных отношениях, правило исчерпания местных мер защиты демонстрирует, что индивид играет в этом случае решающую роль"²¹.

Вторая группа свидетельств объединена тем, что на основании **международного договора индивиды могут или должны вступать в прямой контакт с международными органами и образованиями**. Это могут быть взаимоотношения с учреждениями:

1) несудебными, в числе которых:

- доступ в Европейскую дунайскую комиссию (с 1856 г. до начала XX в.);
- право петиций по договорам о защите национальных, религиозных и языковых меньшинств, заключенным под эгидой Лиги Наций после первой мировой войны;
- право подачи петиций по Уставу ООН в Совет по Опекѣ населения подопечных территорий;
- право петиций по Уставу Международной организации труда;
- право петиций согласно статье 25 Европейской конвенции о правах человека;
- право петиций согласно статье 44 Американской конвенции о правах человека;

2) судебными:

- доступ в международную призовую палату на основании XII Гаагской конвенции 1907 года (практически так и не была создана);
- доступ в Центральноамериканский суд, учрежденный в соответствии с Вашингтонской конвенцией от 20 декабря 1907 г.;
- доступ в смешанные третейские суды, созданные договорами, завершившими первую мировую войну;
- доступ в Верхнесилезский третейский суд, созданный на основе германо-польской Конвенции от 15 мая 1922 г.;
- доступ в Суд Европейских сообществ;

— доступ в Верховный реституционный суд и Арбитражную комиссию, предусмотренную Боннским соглашением от 26 мая 1952 г.

Здесь же следует упомянуть привлечение главных военных преступников к ответственности в качестве подсудимых в международных военных трибуналах в Нюрнберге и Токио.

Третье доказательство так называемой специальной международной правосубъектности индивидов, "которой они... обладают в силу их особого статуса в рамках международных межправительственных организаций: **все случаи предоставления индивидам прав и наделения индивидов обязанностями международных должностных лиц и служащих, а также членов международных органов, не являющихся представителями государств (например, арбитров)**"²².

Очевидно, что подобный массив международно-правовой практики участия индивидов (в той или иной роли) в международно-правовой жизни нельзя оставлять без внимания. Эта проблема должна быть решена сегодня не только на доктринальном уровне; по словам К. Райта, сама "справедливость требует того, чтобы сила государства была обуздана ими самими практически для достижения их же собственных интересов. В ближайшем будущем эти интересы, а особенно интересы индивидов, для благосостояния которых, собственно, и существуют все общественные институты и согласно демократическим, и согласно социалистическим теориям, могут достигнуть наилучшего равновесия с национальными интересами суверенных государств во всеобщем международном праве"²³.

В обоснование международного персоналитета индивидов М. Корович (отметим, что зарубежные авторы редко применяют в отношении индивидов термин "субъект международного права") приводит следующие доводы:

1. Согласно международному праву, государства могут общим соглашением признать международный персоналитет индивидов не только в отношении их прав и обязанностей, но и в отношении их правоспособности к международным процедурным (процессуальным) действиям. Более того, международные обязанности и ответственность индивидов становятся частью международного обычного права.

2. Объем международной правосубъектности индивидов зависит от воли и соглашения государств и всегда может быть ими отменен.

3. Растет число авторов, признающих полезность или необходимость ограниченной международной правосубъектности индивидов.

4. Есть множество политических и моральных причин для признания прав индивида в прямом отстаивании им своего иска перед международными органами против иностранного государства.

5. Данной точке зрения принадлежат наибольшие перспективы в аспекте развития международного права²⁴.

Действительно, процессы, происходящие в международном праве как интегральной части человеческой культуры вообще, отражают общую тенденцию развития человечества. Выдвижение личности на первый план, забота о ее всемерном развитии и защите характерны не только для международно-правовой науки и практики, но и для других областей человеческой цивилизации – философии, науки, искусства. Для всех этих сфер, где человек – мера всех вещей, важно утверждение индивидов в качестве лиц, в определенной степени обладающих международной правосубъектностью в ряду традиционных субъектов международного права. Международная правосубъектность индивидов должна быть признана доктриной международного права.

¹ См. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. – М., 1991. – С. 14.

² Tandon L.N. International Law. – Mansoor Book House, 1980. – P. 121.

³ См. Черняченко С.В. Личность и международное право. – М., 1980.

⁴ Колосов Ю.М. Некоторые вопросы современного международного права// Сов. государство и право. – 1990. – № 11. – С. 89.

⁵ Там же.

⁶ См. Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. – Казань, 1974. – С. 82.

⁷ Анцелотти Д. Курс международного права. – М., 1961. – С. 135.

⁸ Черняченко С.В. Указ. соч. – С. 24.

⁹ Вельяминов Г.М. Международная правосубъектность//Сов. ежегодник международного права. 1986. – М., 1987. – С. 93.

¹⁰ Tandon L.N. Op.cit. – P. 123.

¹¹ См. Tandon L.N. Op.cit.; Фердросс А. Международное право. – М., 1959. – С. 147.

¹² См. Черняченко С.В. Указ.соч. – С. 25–31.

¹³ Tandon L.N. Op.cit. – P. 123.

¹⁴ Ibid. – P. 124.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Решетов Ю.А. Субъекты международных преступлений//Сов. государство и право. – 1983. – № 9. – С. 104.

¹⁷ Мюллерсон Р.А. Коллизийные и отсылочные нормы в регулировании международных отношений//Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1983. – № 5. – С. 49.

¹⁸ Курс международного права (в семи томах). – М., 1989. – Т. 1. – С. 179, 180.

¹⁹ Там же. – С. 181.

²⁰ См. Фердросс А. Указ. соч. – С. 114.

²¹ Cancado Trindade A.A. The Application of the Rule of the Exhaustion of Local Remedies in International Law. – Cambridge, 1983. – P. 443.

²² Черняченко С.В. Указ.соч. – С. 32–33.

²³ Цит. по: Tandon L.N. Op.cit. – P. 129 (из книги: Wright Q. Towards a Universal Law for Mankind).

²⁴ См. Tandon L.N. Op.cit. – P. 128.